

?

Цзян Чжэнь сразу понял его вопрос:

— Конечно, можно. Но при условии, что вы не раскроете никакой нашей личной информации. Только демонстрация, с указанием, что фотографии принадлежат частным лицам и не могут использоваться в коммерческих целях. Если кто-то потом применит наши снимки во вредных целях, пожалуйста, удалите их.

Фотограф на секунду опешил, затем кивнул:

— Без проблем.

На ретушь и печать фотографий требовалось полмесяца — как раз успеют забрать перед отъездом.

Выйдя из фотостудии, Цзян Юньань явно ещё не отошёл от возбуждения. Когда они проходили мимо парка развлечений, он остановился:

— Папы, мы можем пойти туда поиграть?

Чжоу Цинъюй посмотрел на время:

— Давай завтра, малыш? Папа устал.

Цзян Юньань охотно согласился:

— Конечно.

Сегодня втроём они ночевали у Цзян Чжэня. Дун Ланьюэ работала в вечернюю смену и дома её не было.

В девять вечера зазвонил телефон Цзян Чжэня. Он взглянул на экран — незнакомый номер.

Внутри смутно поднялось плохое предчувствие. Он взял телефон и вышел на балкон.

Соединение установилось. На том конце сначала царило молчание, а затем раздался хриплый голос, будто испорченный дешёвыми сигаретами и алкоголем:

— Цзян Чжэнь, как ты поживаешь последнее время?

Когда Чжоу Цинъюй вышел из ванной, на кровати лежал только Цзян Юньань и смотрел мультфильм на планшете.

— А Цзян Чжэнь где?

Цзян Юньань покачал головой:

— Не знаю. Ему позвонили, потом он ушёл. Сказал, скоро вернётся.

Чжоу Цинъюй стало странно. Он отправил Цзян Чжэню сообщение, но ответа не получил.

Цзян Чжэнь вернулся лишь ближе к полуночи. Чжоу Цинъюй уже места себе не находил и сразу подбежал к нему:

— Ты где был... Что у тебя с лицом?!

Под белым светом лампы повреждение у рта Цзян Чжэня особенно бросалось в глаза: заметная синева и припухлость, а там, где зуб рассёк губу изнутри, проступала кровь.

Цзян Чжэнь ничего не сказал. Просто одним движением притянул Чжоу Цинъюя к себе и тихо, глухо произнёс:

— Дай мне немного тебя обнять.

Чжоу Цинъюй упёрся лбом ему в плечо и без малейшего колебания обнял за талию в ответ, мягко похлопывая по спине:

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Цзян Чжэнь ответил совсем не на вопрос:

— Больше не уходи из моего поля зрения. Куда бы ни собирался, говори мне, хорошо?

Чжоу Цинъюй чувствовал запах сигарет от его одежды. Похоже, тот немало курил снаружи. Он совершенно не понимал, что происходит, но всё равно согласился:

— Хорошо. Но скажи мне, Цзян Чжэнь, что случилось?

Тот стоял, согнувшись, и молчал. Его высокое тело едва заметно дрожало. Чжоу Цинъюй больше не спрашивал, просто продолжал обнимать и тихо успокаивать, давая ему прийти в

себя.

Цзян Юньань босиком стоял рядом, совершенно растерянный, с краснеющими глазами. Через некоторое время он медленно подошёл и обнял Цзян Чжэня за талию:

— Папа, не бойся.

Неизвестно сколько прошло времени, прежде чем Цзян Чжэнь наконец заговорил:

— Он вышел из тюрьмы.

Зрачки Чжоу Цинъюя резко сузились. Он вырвался из объятий, взял лицо Цзян Чжэня обеими руками, и его голос задрожал:

— Он тебя ударил? Зачем ты вообще пошёл к нему? Где ещё больно? Он же псих, нельзя было просто держаться от него подальше?

— Он... угрожал мне. Требовал денег. Я уже давал ему один раз, но он снова всё проиграл. Сегодня он позвонил мне...

Цзян Чжэнь не договорил. Руки, обхватившие талию Чжоу Цинъюя, сжались сильнее, будто он хотел втиснуть его в собственную плоть.

Слова этого безумца, которыми тот недавно угрожал Чжоу Цинъюем и Дун Ланьюэ, всё ещё никак не уходили из головы. Цзян Чжэнь не смел даже представить. Просто не смел. Если бы тот не был настолько подлым, Цзян Чжэнь вообще не вышел бы с ним встречаться.

Но во тьме хриплый мужской голос звучал страшнее, чем шипение ядовитой змеи:

— Так заяви на меня, Цзян Чжэнь. Можешь не давать денег. Донеси на азартные игры, кражу, вымогательство. Только за такие преступления смертной казни не дадут. Посижу ещё несколько лет — и всё равно выйду. Хочешь бодаться со мной до самой смерти? А мне достаточно провести на свободе всего один день. Та сука... ах да, ещё тот мальчишка, которого ты носишь как сокровище... Убить человека — дело одной секунды, разве нет?

Цзян Чжэнь крепко обнял Чжоу Цинъюя:

— Я буду давать ему деньги.

Чжоу Цинъюй нахмурился и почти не поверил услышанному:

— Цзян Чжэнь, ты учишься на юриста. Закон — твоё оружие и защита.

Цзян Чжэнь едва заметно моргнул и ничего не ответил.

Закон был его оружием и защитой. Но он не хотел, чтобы Чжоу Цинъюй и его мать принимали на себя хоть каплю риска.

Если просто давать тому деньги... если просто давать деньги, можно удерживать этого бешеного пса на цепи.

В детстве мужчина пинком свалил Цзян Чжэня на пол и поднял табурет, собираясь ударить его по голове. Дун Ланьюэ, волоча повреждённую ногу, бросилась вперёд и оттолкнула его. В тот миг у Цзян Чжэня едва не остановилось дыхание. Даже теперь он не мог выбраться из этого кошмара.

Его состояние уже не было таким острым, как вначале. Чжоу Цинъюй по-прежнему держал его лицо в ладонях:

— Болит?

Обычно Цзян Чжэнь промолчал бы или упрямо сказал, что всё нормально, но сейчас тихо кивнул.

Чжоу Цинъюй поднялся на носочки и осторожно подул на ранку у его губ. Потом нарочно легко улыбнулся:

— Сначала обрабатываем. Такое красивое лицо нельзя испортить шрамом.

Он взял Цзян Чжэня за руку, другой рукой — Цзян Юньаня, и повёл их к дивану. Цзян Юньань мягко высвободился, полез под тумбу у телевизора, достал аптечку и принёс им.

Чжоу Цинъюй ткнул его в кончик носа:

— Спасибо, Аньань.

Пока он обрабатывал рану, Цзян Чжэнь всё ещё не отпускал край его одежды. Чжоу Цинъюй позволил ему держаться. Цзян Юньань похлопал папу по тыльной стороне ладони:

— Не бойся, не бойся. Папа, я спою тебе песенку, которую мне раньше пела мама.

Ночью погасли уличные фонари. В небе сияли звёзды и луна; слабый свет рассекал

бескрайнюю темноту, принося мягкое чувство безопасности. Детский голос тихо запел:

— Маленькая звёздочка моргает, ярко-ярко мерцает. Я звезде звоню по телефону: если трудно — не пугайся.

*

Ночью Цзян Чжэнь уснул, обнимая Чжоу Цинъюя, а Цзян Юньань очень сознательно устроился с краю кровати.

В темноте Чжоу Цинъюй при слабом лунном свете смотрел на спящего Цзян Чжэня. Очень спокойного. Впрочем, Цзян Чжэнь, кажется, всегда был спокойным. Такой срыв, как сегодня, случался с ним крайне редко.

Чжоу Цинъюй помнил первый день первого класса старшей школы, когда только зашёл в общежитие и бодро со всеми поздоровался. Цзян Чжэнь тогда застилал кровать. С высоты верхней койки он посмотрел на Чжоу Цинъюя сверху вниз, и на лице была совершенно очевидная невозмутимость.

Ни единой волны.

Разве что лёгкое непонимание: откуда у этого человека столько энтузиазма.

Чжоу Цинъюй любил липнуть к Цзян Чжэню, а тому было лень отталкивать. Постепенно их будто намертво связали в одну комбинацию. Позже, когда классы разделили на гуманитарные и естественно-научные, связь между ними тоже не оборвалась. До сих пор непонятно, как Цзян Чжэнь уговорил учителя поселить его в общежитии естественников, но в итоге все три года они оставались соседями по комнате.

В полумраке ночи Чжоу Цинъюй глазами очертил черты лица Цзян Чжэня и тихо вздохнул:

— Спокойной ночи.

<http://bllate.org/book/23976/2832686>